ДАР С. И. СОБОЛЕВСКОГО

ЮЛІАНЪ КУЛАКОВСКІЙ.

ПОЭМА ЛЮКРЕЦІЯ „О ПРИРОДѢ".

РѢЧЬ,

произнесенная на торжественномъ актѣ Императорскаго Университета Св. Владиміра 8 января 1887 года.

КІЕВЪ.
Въ Типографіи Императорскаго Университета Св. Владиміра.
1887.

1в

В
578

Оттискъ изъ Университетскихъ Извѣстій 1887 г.
Печатано по опредѣленію Совѣта Университета св. Владиміра.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР
1375
66

Мм. Гг.

Издавна установленъ обычай, по которому неотдѣлимой частью акта ученаго учрежденія является рѣчь одного изъ его сочленовъ. Въ Университетѣ св. Владиміра въ исполненіи этой обязанности чередуются между собою изъ года въ годъ факультеты. Въ нынѣшнемъ году очередь пришлась за нашимъ историко-филологическимъ факультетомъ, и я, какъ одинъ изъ его членовъ, являюсь предъ собраніемъ, удостоившимъ насъ сегодня своимъ присутствіемъ, чтобы выполнить обязанность нашей корпораціи.

Какъ представитель каѳедры классической филологіи, я могу предложить Вашему просвѣщенному вниманію лишь нѣчто изъ міра древняго, давно отшедшаго въ сокровищницу вѣчнаго прошлаго. Но это древнее намъ не только не чуждо, но напротивъ, оно для насъ близкое, родное, свое. Съ классическимъ міромъ связываетъ насъ непосредственное преемство исторіи и непрерывное изученіе твореній древней словесности. Было время въ исторіи европейской цивилизаціи, и оно длилось цѣлые вѣка, когда не было другой науки, другаго знанія, какъ уразумѣніе произведеній литературы классическаго міра. Время это прошло, и прошло безвозвратно; но оно оставило по себѣ великое и пребывающее послѣдствіе: единство современной европейской цивилизаціи. Въ основѣ этого единства лежитъ унаслѣдованная нами отъ прошлаго идея гуманитарнаго образованія, классицизмъ европейской школы.—Да позволено будетъ мнѣ напомнить здѣсь объ этомъ значеніи античнаго міра для современной образованности и

культуры. Оно даетъ мнѣ смѣлость полагать, что сюжеты изъ міра классическаго имѣютъ право на всеобщее вниманіе и всеобщій интересъ.

Предметомъ моей сегодняшней рѣчи избралъ я поэму Люкреція Кара „О природѣ“ (De rerum natura). Это произведеніе римской словесности, помимо своего непосредственнаго интереса, въ высшей степени многообразнаго для филолога, имѣетъ право на вниманіе къ себѣ въ виду той важной роли, какая выпала на его долю въ исторіи развитія новой европейской философіи: изъ него черпали поученіе и на него опирались матерьялистическія доктрины XVII и XVIII вѣковъ. Условія времени и мѣста, въ которыхъ мнѣ приходится говорить сегодня о твореніи Люкреція, налагаютъ на меня обязанность по возможности ограничить свое разсмотрѣніе. Я бы считалъ свою задачу исполненной до конца, если бы мнѣ удалось выяснить предъ Вами, Мм. Гг., значеніе поэмы о природѣ въ двухъ отношеніяхъ: указать, во первыхъ, ея мѣсто въ ряду нашихъ источниковъ для изученія классическаго міра со стороны ея содержанія, какъ извѣстной стадіи въ развитіи философской мысли у древнихъ; и во вторыхъ, дать общую характеристику ея автора какъ поэта, занимающаго видное мѣсто въ исторіи римской словесности, т. е. иными словами, опредѣлить значеніе этой поэмы въ отношеніи къ классическому міру какъ единству и характеризовать ее въ частномъ ея отношеніи къ римской древности. — Но въ виду обширности вопросовъ, которые ставитъ намъ поэма Люкреція, разсматриваемая въ обоихъ отношеніяхъ, я чувствую себя вынужденнымъ сузить мою задачу и сосредоточивая свое вниманіе на второмъ изъ указанныхъ общихъ вопросовъ о Люкреціи, ограничиться по отношенію къ первому лишь нѣсколькими словами.

Поэма Люкреція есть одно изъ произведеній философской литературы классическаго міра. Древнюю философію мы изучаемъ по памятникамъ обѣихъ литературъ, какъ греческой, такъ и римской. Но творчество въ сферѣ философской мысли было исключительнымъ удѣломъ Грековъ. Въ эллинскомъ мірѣ создавались системы, являлись различныя направленія философскаго мышленія, нарождались школы. Духъ и характеръ этихъ системъ и школъ находились въ связи съ политическимъ и культурнымъ развитіемъ эллинскаго міра. Центромъ его духовной жизни стали съ V вѣка до Р. Х. Аѳины и удерживали

затѣмъ въ теченіи длиннаго ряда столѣтій это значеніе. Когда въ цѣломъ рядѣ внутреннихъ революцій испытаны были различные способы государственной организаціи, и политическая жизнь утратила уже тотъ интересъ въ Аѳинахъ, какой имѣла она въ вѣкъ Перикла и Сократа, когда греческій элементъ распространился по всему Востоку, когда въ Египтѣ, Сиріи, Малой Азіи царствовали греческія династіи и пережитъ былъ древній политическій идеалъ единой самодовлѣющей общины; тогда и философская мысль существенно измѣнилась въ своемъ характерѣ и направленіи. Аристотель полагалъ начало философскаго мышленія въ удивленіи человѣка предъ созерцаемымъ имъ міромъ [1]). Интересъ знанія присущъ человѣку отъ природы. Познаніе есть изъясненіе причины явленія. Но для человѣческаго разума недостаточно знать непосредственную причину даннаго явленія: онъ стремится постигнуть п е р в у ю въ ряду причинъ. Τότε γὰρ εἰδέναι φαμὲν ἕκαστον, ὅταν τὴν πρώτην αἰτίαν οἰώμεθα γνωρίζειν, говоритъ Аристотель [2]). Это стремленіе человѣческаго разума проникнуть до первыхъ причинъ, уразумѣть ихъ и тѣмъ побѣдить міръ явленій, создаетъ философское знаніе, которое существуетъ не ради чего другаго, а только самого себя [3]). Аристотель не сомнѣвается въ познаваемости в с е г о. Онъ создалъ самъ систему знанія о мірѣ и человѣкѣ, которое давало отвѣтъ на все. Греческая философія въ лицѣ Аристотеля стоитъ на своей кульминаціонной точкѣ. Она обнимаетъ все, сливая въ себѣ то, что мы дѣлимъ на религію, философію, науку.

Въ развитіи греческой философской мысли послѣ Аристотеля совершился великій переворотъ. На мѣсто интересовъ чистаго знанія выступило иное, глубоко отличное начало. Цѣлью философскаго мышленія является уже не постиженіе и изъясненіе міра въ его дивномъ строѣ, а стремленіе успокоить тревожный духъ человѣка, примирить его съ окружающимъ міромъ, дать ему нравственные устои. Моральный идеалъ, надъ которымъ работала философская мысль, расширился: имъ уже не могъ быть гражданинъ отдѣльной πόλις, какъ было во время Платона и даже Аристотеля, и задачей философскаго мышленія стало раскрыть идеалъ общечеловѣческій. Философское ученіе получило характеръ и значеніе религіознаго исповѣданія. Однимъ изъ наиболѣе видныхъ представителей философіи этого періода былъ Эпикуръ. Среди источниковъ нашихъ для изученія системы этого мыслителя поэма Люкреція занимаетъ едва-ли не первое мѣсто какъ

по обилію матерьяла, такъ и по точности и правильности воспроизведенія ученій Эпикура.

Когда Римляне пришли въ живое общеніе съ Греками, и греческая культура стала дѣлать свои завоеванія въ Римѣ, туда проникла и философія, какъ одинъ изъ элементовъ греческой образованности. Римскій народный геній не проявлялъ задатковъ для развитія философской мысли. Обращенный на конкретное, онъ созидалъ тяжкимъ трудомъ свое великое государство. Римская религія, бѣдная въ своемъ миѳологическомъ содержаніи, исчерпывавшаяся строго хранимымъ ритуаломъ обрядовъ, не давала матерьяла для возникновенія философскихъ концепцій. Въ римскихъ миѳахъ не было вовсе космогоніи, не было изъясненія происхожденія міра. Ихъ боги были лишь геніями—покровителями Рима, которыхъ римскій народъ долженъ былъ умилостивлять жертвами, выговаривая за это покровительство и помощь государству. Этотъ основной характеръ богопочитанія у Римлянъ, выражавшійся и въ самомъ словѣ religio—связь, удерживался въ формальностяхъ жертвоприношеній, которыя совершала община. Онъ удержался за все время существованія государства, не просвѣтлился и не возвысился никогда до мистическаго пониманія отношеній человѣка къ божеству. Какъ Ромулъ въ народной сагѣ даетъ обѣтъ соорудить храмъ Юпитеру Остановителю, Iovi Statori, если онъ остановитъ бѣгущихъ съ поля битвы Римлянъ, и приводитъ въ исполненіе обѣтъ, такъ какъ богъ сдѣлалъ свое дѣло; такъ позднѣе въ каждый lustrum цензоры, совершая обрядъ lustratio populi, всенародное очищеніе римскаго гражданства, давали богамъ обѣтъ, (vota nuncupabant), что цензоры будущаго люстра принесутъ богамъ такую же жертву, если боги сохранятъ за это время невредимымъ римское государство. Принесеніе въ жертву Юпитеру бѣлаго быка, которое совершали представители римскаго государства, консулы, въ первый день власти, было исполненіемъ обѣта, даннаго консулами прошлаго года при вступленіи въ санъ за своихъ преемниковъ. Въ этомъ взглядѣ на жертвоприношеніе какъ на договоръ государства со своими богами нагляднѣе всего сказывается холодный, чуждый всякаго энтузіазма, всякаго подъема духа характеръ римской религіи.—Не нужно другаго аргумента, чтобы имѣть право утверждать, что

римская религія не заключала въ себѣ задатковъ для возникновенія философіи. А такъ какъ въ религіи открывается намъ ближайшимъ образомъ самый духъ народа, то мы можемъ сказать, что римскій народный геній не имѣлъ задатковъ для развитія какихъ бы то ни было философскихъ концепцій о мірѣ, божествѣ, человѣкѣ. Вѣра въ боговъ имѣла практическій характеръ, и культъ богамъ былъ своего рода торговой сдѣлкой, гдѣ одинъ изъ контрагентовъ былъ отвлеченный образъ божества, личность котораго выражалась только его именемъ: Mars, Jupiter, Juno, Diana...

Практическое направленіе народнаго римскаго ума сказалось и въ усвоеніи греческой образованности. Такъ понимали дѣло сами Римляне; ихъ величайшій поэтъ, Горацій, въ такихъ словахъ говорилъ объ усвоеніи Риму различныхъ родовъ словеснаго творчества:

Поздно Римлянинъ сталъ вникать въ сочиненія Грековъ.
Послѣ пуническихъ войнъ успокоясь, онъ спрашивать началъ,
Чѣмъ Софоклъ и Ѳесписъ и Эсхилъ доставили пользу.
Самъ за дѣло взялся, перевесть ихъ стараясь достойно,
И себѣ угодилъ, возвышенъ и смѣлъ по природѣ.
[Ep. II, 1, 161—165].

Въ дополненіе къ этимъ словамъ поэта можемъ мы прибавить одно поясняющее замѣчаніе. Первымъ видомъ литературы въ Римѣ была драма. Въ теченіе полутора столѣтія она имѣла цѣлый рядъ представителей, ревностно трудившихся надъ ея насажденіемъ въ Римѣ. Не трудно дать отвѣтъ на вопросъ, почему именно драма имѣла въ Римѣ успѣхъ. Театральное представленіе было однимъ изъ народныхъ увеселеній во время игръ. Постановка игръ была дѣломъ магистратовъ. Щедрость на играхъ была одной изъ формъ дозволеннаго ambitus, заискиванія народнаго расположенія, съ цѣлью обезпечить себѣ карьеру, прохожденіе высшихъ магистратуръ, и тѣмъ вліяніе и значеніе въ государствѣ. Отсюда понятно, почему именно драма была первымъ видомъ подражательной литературы въ Римѣ: въ ней было то *utile*, котораго, по Горацію, искалъ Римлянинъ, „поздно приблизившій глаза свои къ хартіямъ“.

Но если это полезное было ясно въ поэзіи и прежде всего въ драмѣ, которая забавляла державный народъ, то постигнуть его въ философіи было, конечно, дѣломъ нелегкимъ. Десятилѣтія вто-

раго вѣка до Р. Х., отмѣченныя именами Катона Старшаго и Сципіона Африканскаго, были тѣмъ періодомъ, когда философія стала проникать въ Римъ. Говоря объ этомъ, слѣдуетъ отличать два значенія философіи: во первыхъ, какъ субъективное исканіе истины, какъ система, ученіе, и во вторыхъ, какъ элементъ образованія въ нашемъ современномъ значеніи этого слова. Философія была въ ту пору въ Греціи слишкомъ давно и слишкомъ тѣсно связана съ образованіемъ, чтобы остаться невѣдомой Римлянамъ [4]). Грамматика, риторика, философія—это три послѣдовательныя ступени греческаго образованія. Представители этихъ трехъ дисциплинъ стали являться въ Римъ, но не всѣ они были одинаково тамъ приняты. Полезность грамматики была слишкомъ очевидна, чтобы воздвигать на нее гоненіе; изученіе же греческаго языка было въ ту пору даже необходимо. Но какъ смотрѣли Римляне на риторику и философію, объ этомъ краснорѣчиво говорятъ намъ извѣстные, внушительные по своей простотѣ факты. До насъ дошелъ senatus consult'ъ 161 года въ его точной редакціи, выраженный прекраснымъ твердымъ и не допускающимъ возраженія, не оставляющимъ никакой неясности языкомъ:

„Въ консульство Г. Фаннія Страбона и М. Валерія Мессалы М. Помпоній преторъ созывалъ въ совѣщаніе сенатъ. Что былъ сдѣланъ докладъ о философахъ и риторахъ, объ этомъ дѣлѣ такъ постановили: прилагать заботу и стараніе М. Помпонію претору о томъ, чтобы, какъ находитъ онъ то въ интересѣ государства и своего долга, философовъ и риторовъ въ Римѣ не было".

[Suet. De rhet. cap. 1=A. Gell. XV, 11. 1].

Другой такой же знаменательный фактъ—изгнаніе аѳинскаго посольства изъ Рима въ 156 году. Провинившіеся предъ Римомъ Аѳиняне и навлекшіе этимъ наложеніе крупнаго штрафа на свой городъ—послали въ Римъ трехъ знаменитыхъ своихъ философовъ съ Карнеадомъ во главѣ, чтобы они своими рѣчами умилостивили гнѣвъ сената. Философы, вѣрные своему призванію быть общественными учителями, стали держать публичныя рѣчи. На нихъ стала стекаться римская молодежь, ученія философовъ производили сенсацію. Катонъ усмотрѣлъ въ этомъ опасность для республики. По его почину сенатъ приказалъ философамъ оставить Римъ *).

*) Плутархъ. Cato maior. cap 22. И вотъ тотъ часъ наиболѣе ревностные къ ученію юноши обратились къ этимъ мужамъ и были съ ними, внимая и дивясь имъ.

Если въ этомъ изгнаніи ясно выражено отношеніе римскаго сената къ философіи, то въ томъ, что рѣчи философовъ не только нашли слушателей, но и вызвали запретъ, сказывается съ очевидностью, что въ ту пору въ Римѣ была уже почва для воспріятія философскихъ ученій, что образованіе уже привилось и утвердилось въ Римѣ. Около того же времени греческіе философы стали являться въ роли воспитателей въ знатныхъ домахъ Рима. Извѣстно, что Корнелія, мать Гракховъ, дала въ воспитатели своимъ сыновьямъ стоика Блоссія. Можно назвать цѣлые десятки именъ знатныхъ римлянъ второй половины II вѣка, о которыхъ извѣстно, что они не только были посвящены въ сокровища греческой мудрости, но и брали подъ свою защиту философовъ въ Римѣ [5]). Въ послѣдней четверти II вѣка жилъ долгіе годы въ Римѣ стоикъ Панэтій, и многіе старшіе современники Цицерона считали себя непосредственными его учениками. Тогда же стало входить въ обычай совершать путешествія въ Грецію для довершенія своего образованія. Въ началѣ I вѣка ближайшее знакомство съ философскими доктринами считалось необходимымъ элементомъ образованія оратора; а краснорѣчіе въ ту тревожную пору шатанія республики было главной силой, дававшей человѣку право на имя и значеніе [6])

И однако философія оказывалась безплодной въ Римѣ. Римляне оставались здѣсь только учениками. При распространенности греческаго языка въ средѣ образованныхъ римлянъ того времени, не было даже надобности въ переводахъ произведеній греческихъ мыслителей. Собственнаго же творчества въ этой области не обнаруживали Римляне. Общественная жизнь была слишкомъ живымъ ключемъ въ Римѣ, шатались самыя основы республики, нарождались элементы для великаго

Особенно чарующая прелесть Карнеада, великая мощь которой была громко прославлена, вихремъ пронеслась по городу. Прошелъ слухъ, что этотъ Грекъ, владѣвшій изумительной силой привлекать и порабощать людей, возбудилъ въ молодежи дивную любовь, изъ-за которой они, отставъ отъ всѣхъ другихъ удовольствій и занятій, отдавались съ энтузіазмомъ, философіи. Это нравилось другимъ римлянамъ, и они охотно взирали на то, что юноши пріобщались къ эллинскому образованію и искали общенія съ достойными удивленія мужами. Но Катонъ съ самаго начала смотрѣлъ съ неудовольствіемъ на проникновеніе философіи въ Римъ, опасаясь, какъ бы юношество, обративъ свои стремленія на славу слова, не возлюбило ее болѣе нежели ту, что даютъ государственныя дѣла и военная служба.....

переворота въ ней, который мы называемъ установленіемъ Имперіи. Болѣе глубокое и интензивное вліяніе греческой философіи сказалось уже тогда, когда явился глава въ республикѣ и принесъ въ нее миръ, и когда гордая римская аристократія, упорно хранившая воспоминаніе о своемъ коллективномъ самодержавіи въ государствѣ, должна была постепенно прійти къ сознанію, что она имѣетъ государя и отдѣльные ея члены могутъ быть лишь исполнителями его предначертаній. Тогда-то началось усиленное занятіе философіей, и если не обнаружилось самостоятельнаго творчества римскаго народнаго духа въ этой сферѣ и тогда, то во всякомъ случаѣ философскія ученія стали получать значеніе исповѣданія вѣры для отдѣльныхъ людей, и потомки знатныхъ римскихъ фамилій съ гордостью выставляли на показъ свое званіе философа. Тацитъ въ своихъ произведеніяхъ далъ намъ немало матерьяла для выясненія значенія философскихъ ученій въ I вѣкѣ по Р. Х. Если многіе съ полной искренностью и убѣжденіемъ искали въ философіи нравственныхъ устоевъ для жизни и дѣятельности, и не объ одномъ Гельвидіи Прискѣ можно было сказать, что онъ занимался философіей, quo firmior adversus fortuita rem publicam capesseret (Hist. 4, 5); то не мало было, конечно, ложной аффектаціи и показнаго въ этомъ интересѣ къ философствованію, какъ клеймитъ это своимъ сильнымъ словомъ самъ Тацитъ: ut nomine magnifico segne otium velarent [7]).

Въ вѣкъ Цицерона, не смотря на широкое распространеніе знакомства съ философіей, возможны были такіе факты, какъ поступокъ Л. Геллія, когда онъ въ санѣ пропретора явился управлять Греціей. Находясь въ Аѳинахъ, онъ приказалъ созвать къ себѣ философовъ всѣхъ школъ и увѣщевалъ ихъ прекратить свои разногласія. Онъ полагалъ, что лучше будетъ вмѣсто вѣчнаго спора поступиться каждой школѣ чѣмъ-нибудь въ интересахъ соглашенія и мира, и предлагалъ имъ себя въ посредники этого соглашенія.— Какими глазами должны были смотрѣть представители греческой мысли на этого самозваннаго примирителя, когда его предложеніе посредничества было заявленіемъ полнаго непониманія съ его стороны того, о чемъ были разногласія?....

Фактъ этотъ относится къ 62 г. до Р. Х.

Конечно, Геллій представлялъ исключеніе. Въ средѣ знати римской были лица, причислявшія себя къ адептамъ отдѣльныхъ школъ.

Наибольшую популярность имѣли двѣ: стоицизмъ, надъ насажденіемъ котораго въ Римѣ потрудился Панэтій, и эпикуреизмъ, проникшій туда и безъ великаго и вліятельнаго наставника. Въ Римѣ стала появляться и философская литература. Цицеронъ въ началѣ IV-ой книги „Тускуланскихъ бесѣдъ", гдѣ онъ дѣлаетъ обзоръ исторіи философіи въ Римѣ, упоминаетъ о писаніяхъ Г. Амафинія; знаемъ мы также имя Катія. Но Цицеронъ весьма рѣзко отзывается о первыхъ философскихъ писаніяхъ на латинскомъ языкѣ. Они были не болѣе какъ безъискусственными переложеніями на родной языкъ твореній греческихъ мыслителей школы Эпикура. Цицеронъ смѣло и опредѣленно заявляетъ претензію на первенство въ философской литературѣ[8]). Совершенно также игнорируетъ своихъ литературныхъ предшественниковъ и Люкрецій. Не разъ заявляетъ онъ о величіи своего предпріятія какъ первой попытки изложенія философской системы на латинскомъ языкѣ.

....hanc (i. e. ratio rerum) primus cum primis ipse repertus
Nunc ego sum in patrias qui possim vertere voces.
[V, 336—37]

Цицеронъ и Люкрецій были современники и знали другъ друга. Для насъ они оба имѣютъ право на первенство въ римской философской литературѣ. Но эти современники предстаютъ предъ нами съ такимъ множествомъ различій, какъ если бы они отдѣлены были вѣками. Уже въ этомъ фактѣ дано очень много: здѣсь засвидѣтельствована несамостоятельность Римлянъ въ философіи. Тотъ и другой не творцы, а лишь передатчики чужаго созданія, усвоеннаго ими. Различія въ образованіи обоихъ и въ качествахъ ихъ личныхъ дарованій обусловливаютъ характеръ ихъ твореній. Цицеронъ—глубоко образованный ораторъ, дивный мастеръ въ латинскомъ языкѣ, долго и много занимавшійся философской литературой Грековъ, создаетъ, подражая въ формѣ Платону, философскіе діалоги на разныя темы. Онъ эклектикъ въ философіи, но оказываетъ предпочтеніе стоицизму. Совершенное мастерство языка позволяетъ ему безъ усилій вложить въ латинскую рѣчь всѣ философскія концепціи, на сколько онъ самъ ихъ понимаетъ. Исканіе философской истины вовсе не есть для него задача жизни, спеціальность, которой онъ себя посвятилъ. Онъ считаетъ себя въ силахъ создать философскую литературу въ Римѣ на

латинскомъ языкѣ и принимается за самое дѣло лишь тогда, когда политическія обстоятельства вынуждаютъ его оставаться въ сторонѣ отъ служенія республикѣ[9]).—Совсѣмъ иное дѣло Люкрецій. Одно то, что онъ поэтъ, кладетъ пропасть между нимъ и его славнымъ современникомъ. Мы ничего не знаемъ о жизни и обстоятельствахъ Люкреція, мало можемъ судить о широтѣ его образованія [10]); но поэма его даетъ намъ достаточно матерьяла для его характеристики, какъ представителя философской литературы. Люкрецій знаетъ одну систему, но онъ не просто ее знаетъ: онъ вѣритъ въ нее, онъ ею вдохновленъ, онъ ощущаетъ благоговѣніе предъ ея создателемъ и, въ восторженномъ волненіи отъ раскрывшейся ему истины, онъ спѣшитъ повѣдать ее міру. Онъ не претендуетъ ни на одну мысль, какъ на нѣчто ему принадлежащее: вся ученость его поэмы—чужая, и онъ самъ это заявляетъ. Ему принадлежитъ только форма; и онъ гордъ тѣмъ, что можетъ въ ритмической рѣчи изложить восторгающую его мудрость.

Изложеніе системы философской облекаетъ Люкрецій въ форму поэмы. Такъ излагали свои ученія нѣкоторые изъ философовъ досократовскаго періода, какъ Эмпедоклъ, Парменидъ. Форма эта была оставлена позднѣе. Для философскихъ твореній явился діалогъ, подъ вліяніемъ діалектики, какъ способа развитія философской мысли, а съ Аристотеля появилась и сухая дѣловая проза. Люкрецій возстановляетъ преданіе, и этимъ даетъ самому ученію иной характеръ: вноситъ въ него еще болѣе догматизма. Люкрецій самъ говоритъ намъ о томъ, почему онъ избралъ стихотворную форму для изложенія философской системы: онъ хочетъ дать большую привлекательность исповѣдуемой имъ истинѣ, вѣритъ, что форма стиха будетъ средствомъ болѣе широкой пропаганды ученія*).

---

*) Онъ говоритъ объ этомъ въ такихъ словахъ—

„А теперь ты узнай, что остается, и услышь яснѣе. Не обманываю я себя насчетъ того, какъ это темно; но великая надежда на славу пронзила острымъ тирсомъ мое сердце и вдохнула мнѣ вмѣстѣ съ тѣмъ въ грудь сладкую любовь къ Музамъ. Ею побужденный, я теперь смѣлымъ разумомъ шествую по нетронутымъ Піэридами пространствамъ, которыхъ не касалась ничья стопа. Пріятно мнѣ приблизиться къ дѣвственнымъ источникамъ и черпать изъ нихъ, пріятно срывать новые цвѣты и искать для себя славнаго вѣнца оттуда, откуда ни разу никому еще не вѣнчали Музы чела, и прежде всего за то, что я учу о великихъ вещахъ и стараюсь исторгнуть духъ человѣка изъ тяжкихъ

Недостатокъ времени не позволяетъ мнѣ предложить здѣсь подробное изложеніе содержанія поэмы. Я долженъ ограничиться лишь указаніемъ общихъ рубрикъ послѣдовательности въ ней изложенія.

Поэма раздѣляется на шесть книгъ. Въ первой Люкрецій излагаетъ общую теорію атомовъ и общія положенія системы атомизма. Во второй книгѣ изъяснена причина, создавшая разнообразіе видимаго міра. Причина эта—движеніе атомовъ сверху внизъ съ отклоненіемъ при этомъ отъ прямаго направленія. Въ третьей книгѣ рѣчь идетъ о природѣ души, которая, по ученію Эпикура, матерьяльна и смертна. Въ четвертой книгѣ изъясняется природа чувствъ человѣка и человѣческой мысли. Чувства—результатъ воздѣйствія на человѣка матерьяльныхъ истеченій отъ предметовъ (simulacra), которыя носятся въ безконечномъ множествѣ въ воздухѣ. Мысль человѣка также матерьяльна, какъ и душа. Въ пятой книгѣ Люкрецій излагаетъ ученіе о происхожденіи земли, свѣтилъ небесныхъ и разныхъ метеорологическихъ явленій, между прочимъ и фазъ луны. Во второй половинѣ книги авторъ даетъ общую схему развитія человѣческой цивилизаціи. Шестая книга посвящена разъясненію различныхъ физическихъ и метеорологическихъ явленій, каковы: дождь, громъ, молнія, изверженія вулкановъ, землетрясеніе, радуга, магнетизмъ. Книгу заканчиваетъ изъясненіе природы болѣзней (въ духѣ нынѣшней системы бактерій) и описаніе чумы, посѣтившей Аѳины въ первые годы пелопоннесской войны, причемъ Люкрецій заимствуетъ данныя у Ѳукидида.

Такова общая схема изложенія.—Поэма Люкреція не была из-

оковъ религій, а затѣмъ за то, что о дѣлѣ таинственномъ я слагаю такіе ясные стихи, все покрывая музійской прелестью.

„И это кажется мнѣ не лишеннымъ смысла: но словно какъ когда врачи пытаются дать дѣтямъ противной полыни, они смазываютъ края стакана сладкимъ желтымъ медомъ, чтобы провести дѣтскую недогадливость, сманивъ губы, чтобъ межъ тѣмъ выпита была горькая жидкость абсинта, и не обмана ради, а чтобы такимъ способомъ оживить и вылѣчить;—такъ и я теперь, въ виду того, что предметъ этотъ кажется обыкновенно слишкомъ мало привлекательнымъ тому, кто имъ не занимался, и люди отъ него отстраняются, такъ и я хотѣлъ изложить тебѣ сладкогласнымъ стихомъ Піэрійскимъ наше ученіе и словно покрыть его сладкимъ музійскимъ медомъ. Если бы мнѣ удалось удержать этимъ способомъ твой духъ на нашихъ стихахъ, пока ты постигнешь всю природу, въ какой образъ убранная она существуетъ“.

[I, 920—949. ср. IV, 11—25]

дана въ свѣтъ самимъ авторомъ, не получила отъ него окончательной отдѣлки. Отсюда объясняется то, что она не есть законченное цѣлое; здѣсь также надо искать причины того, что изложеніе непослѣдовательно, часты въ немъ отступленія и повторенія. Иныя мѣста производятъ такое впечатлѣніе, какъ если бы Люкрецій нѣсколько разъ дѣлалъ пробу, какъ изложить поэтическій образъ, возставшій въ его творческой фантазіи. Часто нѣтъ никакой возможности выяснить отношеніе между слѣдующими одинъ за другимъ періодами; часто періоды оборваны по срединѣ, или такъ изложены, что для ихъ пониманія необходимо разорвать неловкую (а подъ часъ неправильную) синтаксическую связь предложеній. Все это вмѣстѣ взятое въ высшей степени затрудняетъ чтеніе и изученіе Люкреція. Но какъ бы то ни было, общій ходъ мыслей и концепцій Люкреція вездѣ ясенъ, хотя часто мы не имѣемъ никакой возможности перевести его рѣчь на нашу и должны только догадываться о томъ, что собственно хочетъ сказать поэтъ.

Не смотря однако на такую форму поэмы, она имѣетъ по своему содержанію огромную важность. Она есть нашъ наиболѣе полный источникъ для изученія системы Эпикура. Хотя этотъ мыслитель былъ однимъ изъ наиболѣе плодовитыхъ писателей греческой древности, но до насъ не дошло почти ничего въ подлинникѣ отъ его безчисленныхъ писаній [11]). Поэма Люкреція несравненно полнѣе и богаче содержаніемъ, нежели тѣ три подлинныхъ посланія Эпикура, которыя сохранилъ намъ Діогенъ Лаэртій въ десятой книгѣ своего произведенія. Сюда присоединяется еще одно обстоятельство. Система Эпикура и въ древности часто была понимаема слишкомъ плоско; въ этомъ повиненъ и Цицеронъ, нашъ важный источникъ для всѣхъ системъ философскихъ послѣ времени Аристотеля. Въ Люкреціи мы имѣемъ самаго искренняго и вѣрующаго адепта Эпикурова ученія, который принималъ не только безъ малѣйшей критики, но съ восторженной вѣрой всякое слово и мысль учителя. Съ помощью Люкреція мы, такимъ образомъ, можемъ лучше понять многое въ его системѣ, чѣмъ какъ то дозволяютъ другіе источники.

Но здѣсь я долженъ указать на одну черту поэмы, въ которой видятъ обыкновенно существенную неполноту изложенія системы Эпикура у Люкреція, и въ чемъ я самъ, напротивъ, готовъ видѣть только доказательство глубокаго ея пониманія нашимъ поэтомъ. Дѣло

въ слѣдующемъ. Въ системѣ Эпикура физика была предметомъ второстепеннымъ: въ этикѣ была сила и сущность ученія. Между тѣмъ Люкрецій изложилъ намъ собственно только физику, вводя въ нее постоянно общіе принципы и общія идеи Эпикуровой этики и каноники (=логики). По единогласному свидѣтельству древнихъ, Эпикуръ не обнаружилъ въ физикѣ никакой самостоятельности, а лишь заимствовалъ все у Демокрита. При общемъ взглядѣ Эпикура на задачу и цѣль физики, это заимствованіе является понятнымъ. Но Люкрецій, излагая физику, знаетъ одного Эпикура и непрестанно поетъ ему хвалебный гимнъ. Люкрецію, вѣрующему и вдохновенному адепту Эпикура, не нужно знать источниковъ своего учителя: отъ него усвоилъ онъ все, и для него нѣтъ вопроса о зависимости своего учителя отъ его предшественниковъ.

Содержаніе поэмы Люкреція даетъ намъ право причислить ее къ нашимъ источникамъ при изученіи того, что знали древніе о природѣ, т. е., иначе говоря, древняго естествознанія. Разсматривая поэму его съ этой точки зрѣнія, мы можемъ констатировать прежде всего обиліе матерьяла, собраннаго древними естествовѣдами. Они много наблюдали, много знали; они дѣлали даже опыты въ техническомъ смыслѣ этого слова. Но признавая это, мы должны констатировать одно основное различіе между современной наукой о природѣ и древнимъ о ней знаніемъ: древнее естествознаніе создано философами и осталось навсегда въ связи съ философіей. Философское мышленіе имѣло свои цѣли и свои спеціальныя задачи. На характерѣ естествознанія и отразились эти цѣли, и онѣ-то помѣшали создаться наукѣ. Если Люкрецій, т. е. Эпикуръ, ставитъ себѣ задачу изъяснить природу, то его влечетъ къ тому вовсе не непосредственный интересъ постигнуть дивный строй видимаго мира, а нѣчто совсѣмъ другое—доказать, что этотъ видимый міръ не даетъ въ своихъ явленіяхъ ничего такого, что противорѣчило бы метафизическимъ и этическимъ принципамъ, уясненіе которыхъ является главной цѣлью философскаго мышленія[12]). Люкрецій, вмѣстѣ съ Эпикуромъ, стоитъ прежде всего на томъ положеніи, что въ мірѣ все ясно и просто, что все можетъ быть изъяснено, что для изъясненія міра не нужны идеи ни творенія, ни міроправительства божьяго промысла, ни непосредственнаго участія боговъ, какихъ знала народная религія, въ судьбахъ жизни человѣчества. Эти положенія для него дороже всего;

они являются руководящими принципами въ изученіи и изъясненіи міра. Ясно, что они могли оказаться злымъ рокомъ для успѣховъ древняго естествознанія. Если къ изъясненію даннаго явленія природы приступать съ намѣреніемъ подвести его подъ общую теорію, которая, какъ абсолютно вѣрная, дана раньше наблюденія факта; то естественно, что и самое наблюденіе не можетъ имѣть такой внимательности къ данному факту, какъ могло бы быть при другихъ условіяхъ, ибо даже самая способность наблюденія ослаблена будетъ присутствіемъ готовой теоріи. У Эпикура и его вѣрнаго послѣдователя дѣло ухудшается еще слѣдующимъ: полное безразличіе къ тому, чтобы найти вполнѣ удовлетворительное, не подлежащее возраженію изъясненіе даннаго явленія природы. Изъясненіе отдѣльнаго явленія есть дѣло изобрѣтательной фантазіи. Если она подсказываетъ нѣсколько возможныхъ изъясненій, и всѣ они безъ дальнѣйшей провѣрки кажутся на первый взглядъ подходящими, имѣютъ легко доступную для представленія форму; то философъ и останавливается на перечисленіи возможныхъ объясненій, предлагая выбрать любое. Опредѣляя отношеніе философа къ изъясненію фактовъ природы, Люкрецій даетъ слѣдующее сравненіе.—Если мы видимъ трупъ человѣка, то мы знаемъ, что смерть могла послѣдовать отъ разныхъ причинъ: ядъ, желѣзо, морозъ, болѣзнь, вообще что нибудь въ томъ родѣ, что причиняетъ смерть. „Такъ мы стоимъ, заключаетъ Люкрецій, и по отношенію ко многимъ явленіямъ природы“. [VI, 702—710]

Вслѣдъ за этимъ сравненіемъ идетъ въ изложеніи Люкреція изъясненіе явленія издавна и много занимавшаго древнихъ, а именно: періодическихъ наводненій рѣки Нила. Онъ перечисляетъ нѣсколько возможныхъ причинъ, не рѣшая окончательно въ пользу какой либо изъ нихъ и довольствуясь ихъ возможностью. Эти вѣроятныя причины таковы: во 1) возможно, что пассаты задерживаютъ теченіе воды въ море и гонятъ ее къ истоку; во 2) песокъ въ устьѣ рѣки можетъ, подъ вліяніемъ бурь морскихъ, принимать такое положеніе, чтобы задержать стокъ воды въ море; въ 3) возможно, что, какъ разъ въ ту пору когда приходится наводненіе, въ мѣстностяхъ, гдѣ истоки Нила, бываютъ проливные дожди; въ 4) на высокихъ горахъ Эѳіопіи лежитъ снѣгъ, его усиленное таяніе можетъ произвести наводненіе.—За четыре вѣка до Люкреція наводненія Нила интересовали пытливый умъ Геродота, и онъ, не претендуя вовсе на зна-

ніе природы, гораздо глубже посмотрѣлъ на дѣло и далъ опроверженіе на нѣкоторыя изъ приведенныхъ Люкреціемъ возможностей [13]). Но Люкрецій, вѣрившій, что его учитель постигъ и изъяснилъ все въ природѣ, вмѣстѣ съ нимъ совершенно равнодушенъ къ разысканію истинной и настоящей причины: для него достаточна одна вѣроятность.

Чтобы привести другой примѣръ, укажу на изъясненіе фазъ луны. Люкрецій, вмѣстѣ съ Эпикуромъ, знаетъ истину о лунѣ, которую задолго до втораго постигли греческіе астрономы: луна есть шаръ, свѣтъ ея не собственный, а отраженный; подъ вліяніемъ ея обращенія вокругъ земли къ намъ обращена каждый день различная часть ея освѣщенной солнцемъ поверхности. — Но изложивъ эту истину, Люкрецій считаетъ весьма труднымъ опровергнуть представленіе такого рода: луна уничтожается и вновь рождается. Почему въ самомъ дѣлѣ считать это невозможнымъ, если мы всѣ испытываемъ въ теченіи солнечнаго года смѣну весны, лѣта, осени и зимы, вѣчно новыя обновленіе и смерть природы? „Если столь многое, заключаетъ онъ, можетъ создаваться въ опредѣленное время, то удивительное ли дѣло, если и луна въ опредѣленное время рождается и въ опредѣленное же время вновь уничтожается?“

[V, 747—49]

Какъ видно хотя бы изъ приведенныхъ примѣровъ, объясненія отдѣльныхъ явленій природы отправляются отъ простой видимости и не идутъ дальше возможностей изъясненія этой видимости. Но вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ подобныхъ изъясненій даетъ имъ полную вѣру и часто пользуется ими для построенія смѣлыхъ гипотезъ и подтвержденія общихъ теорій, извлеченныхъ изъ общаго взгляда на сущность природы, какъ аггрегата атомовъ. Въ доказательство укажу на слѣдующее.—Ученіе о душѣ въ системѣ Эпикура имѣло такую форму: душа матерьяльна, она рождается, растетъ и умираетъ вмѣстѣ съ тѣломъ, а не есть самостоятельная субстанція, которая, какъ училъ вмѣстѣ съ другими Сократъ, временно живетъ въ тѣлѣ человѣка, какъ въ своемъ обиталищѣ, чтобы, разставшись съ нимъ, пребывать въ вѣчности. Не столько доказывая, сколько настоятельно ее утверждая и повторяя, Люкрецій приводитъ много физическихъ явленій для ея подтвержденія и между прочимъ одно такое.—При разложеніи умершаго тѣла, зарождаются въ немъ миріады червей. Откуда быть чер-

вямъ? спрашиваетъ Люкрецій, и какъ могли появиться живые черви тамъ, гдѣ ихъ не было? Отвѣтъ простъ: въ живомъ тѣлѣ была душа. Она не могла уничтожиться, ибо она матерьяльна: состоитъ изъ особаго вида атомовъ, легкихъ, подвижныхъ и совершенно круглыхъ. Она должна разлагаться такимъ же образомъ, какъ разлагается тѣло, но, какъ матерьяльная, не подлежитъ уничтоженію. Отсюда ясно, что въ живыхъ червякахъ, копошащихся въ мертвомъ тѣлѣ, наблюдатель имѣетъ предъ собою продолженіе существованія души, оживлявшей нѣкогда это тѣло.

Въ томъ, почему именно черви зарождаются, почему душа благороднаго существа облекается въ эту низшую форму живыхъ существъ, какъ образуется тѣло червяка?.. объ этомъ не спрашиваетъ и этого не разъясняетъ Люкрецій.

Я не буду долѣе продолжать разсмотрѣніе о Люкреціи и его учителѣ, какъ естествовѣдахъ. Наше время съ его высокимъ развитіемъ естествознанія ничему не научится у древнихъ въ этой сферѣ. Но справедливость требуетъ отмѣтить, что въ исторіи развитія европейской мысли поэма Люкреція долго была источникомъ поученія. Въ вѣкъ отъ Гассенди до Ла-Меттри поэма эта была однимъ изъ источниковъ знанія о мірѣ, и древнія идеи направляли европейскую мысль и на этомъ пути. Теперь не то время, и Люкрецій, какъ естествовѣдъ, можетъ, конечно, имѣть только историческій интересъ. Читая Люкреція, мы можемъ чувствовать вмѣстѣ съ Гётевымъ Вагнеромъ—

.....es ist ein gross' Ergötzen
Sich in den Geist der Zeiten zu versetzen,
Zu schauen, wie vor uns ein weiser Mann gedacht
Und wie wir's dann zuletzt so herrlich weit gebracht.

И Фаустъ уже безъ ироніи можетъ сказать на это—

O ja, bis an die Sterne weit!

ибо мы знаемъ не только дѣйствительную величину свѣтилъ небесныхъ, но даже химическій составъ ихъ тѣла; а древній Люкрецій вмѣстѣ со своимъ учителемъ полагали, что свѣтила имѣютъ ту величину, въ какой мы ихъ видимъ, и допускали возможность, что смѣна дня и ночи не есть результатъ освѣщенія нашей планеты пребывающимъ солнцемъ, что оно, говоря простымъ языкомъ, не восходитъ и заходитъ, а каждый день вновь зарождается изъ скопленія огнен-

ныхъ атомовъ, въ безконечномъ и неистощимомъ множествѣ разсѣянныхъ въ мірѣ [14]).

Не для естествоиспытателя нашего времени интересенъ и важенъ Люкрецій. Какъ естествовѣдъ онъ интересенъ только для изучающихъ античный міръ. Его поэма открываетъ намъ широкій просвѣтъ на исторію человѣческой мысли во время классической культуры, она содѣйствуетъ тому, что Zeiten der Vergangenheit, которыя, по слову Гёте,

Sind uns ein Buch mit sieben Siegeln,

становятся намъ ясны и понятны.

Не какъ естествовѣдъ интересенъ Люкрецій. Не имѣетъ онъ значенія и какъ мыслитель. Если въ прошлые вѣка Люкреція цѣнили какъ философа, если даже въ нашъ вѣкъ знаменитый историкъ философіи Риттеръ старался выяснить въ поэмѣ Люкреція самостоятельныя мысли и идеи, отклоняющіяся отъ учителя, и, такимъ образомъ, признавалъ за нимъ право на имя самостоятельнаго мыслителя; то мы теперь не дѣлаемъ ни того, ни другаго [15]). Лишь вслѣдствіе бѣдности преданія о системѣ Эпикура, Люкрецій остается и теперь важнымъ источникомъ для уразумѣнія ученій этой школы; но это значеніе Люкреція есть дѣло случая. Если бы до насъ дошли сочиненія Эпикура, или, быть можетъ, если бы удалось развернуть и прочесть обуглившіеся геркуланскіе свитки, Люкрецій потерялъ бы это значеніе. Но ему принадлежитъ и будетъ принадлежать вѣчно слава великаго поэта, скажу не колеблясь — наивысшаго генія въ римской поэзіи. Правда, геній этотъ не создалъ чего-либо абсолютно прекраснаго, лишь послѣдующее поколѣніе довело языкъ Рима въ поэзіи до полной гармоніи между содержаніемъ и формой, до легкости, изящества, граціи и полной свободы въ выраженіи; но сравнивая Люкреція съ поэтами послѣдующаго поколѣнія, мы смѣло можемъ признать за нимъ бо́льшую высоту геніальности, бо́льшую смѣлость фантазіи, бо́льшую силу творчества въ словѣ, нежели какъ проявили ихъ поэты золотаго вѣка. Неподражаемый даръ выразить легкимъ и гармоничнымъ стихомъ все, что ни приходило на умъ, даръ, которымъ обладалъ Овидій, ставитъ этого послѣдняго въ техническомъ отношеніи гораздо выше Люкреція; звучный, гармоничный, отдѣланный и выправленный гекзаметръ Виргилія нельзя, конечно, и сравнивать съ тяжелымъ, часто неуклюжимъ и неловкимъ стихомъ

Люкреція; полная гармонія между образомъ и выраженіемъ и совершенное изящество того и другаго, которыя намъ даны въ одахъ Горація, представляютъ огромный прогрессъ по сравненію съ Люкреціемъ, у котораго поэтическій образъ гораздо изящнѣе и цѣльнѣе, нежели выраженіе. Но это превосходство поэтовъ золотаго вѣка въ формѣ не можетъ уравновѣсить того недочета, который обнаруживается у нихъ по сравненію съ Люкреціемъ. Недочетъ этотъ сказывается въ самомъ высшемъ, что отличаетъ поэта отъ простаго смертнаго, во вдохновеніи. Въ каждомъ стихѣ Люкреція бьетъ ключемъ напряженная сила вдохновеннаго творчества. Люкрецій—единственный вдохновенный поэтъ, какого имѣлъ Римъ.

Я полагаю, что именно это ощущеніе напряженія творческой силы, которое сказывается въ поэмѣ Люкреція, и послужило главнымъ образомъ къ возникновенію переданнаго намъ Іеронимомъ сказанія о томъ, что его поэма написана въ свѣтлые промежутки помѣшательства [16]). Но если эту часть показанія Іеронима мы смѣло можемъ отнести въ область легендъ, то другую половину его свидѣтельства, а именно: о самоубійствѣ Люкреція, я готовъ принять съ полной вѣрой. Хотя ученіе, которое исповѣдывалъ Люкрецій, и возставало вообще противъ самоубійства [17]), но личный характеръ Люкреція, по скольку онъ отражается въ поэмѣ, дѣлаетъ весьма вѣроятнымъ этотъ печальный конецъ жизни нашего поэта.

Къ сожалѣнію для себя, я не могу пытаться доказать высказанное выше сужденіе о Люкреціи, какъ поэтѣ, данными изъ поэмы. Для этого потребовалось бы приводить многіе десятки стиховъ и выраженій и притомъ приводить ихъ въ подлинникѣ, ибо переводъ лишь крайне отдаленно можетъ характеризовать стиль поэта. Сила выраженія и своеобразіе стиля чувствуются только въ подлинникѣ. Но чтобы представить если не доказательство, то хотя нѣкоторый намекъ на него и дать Вамъ, на сколько сумѣю, почувствовать общій характеръ манеры выраженія Люкреція, я позволю себѣ представить переводъ нѣкоторыхъ сильныхъ мѣстъ его поэмы.

Я упоминалъ уже о томъ восторженномъ благоговѣніи, которое Люкрецій испытываетъ по отношенію къ своему учителю. Въ изложеніе свое онъ вставляетъ четыре раза панегирикъ ему. Вотъ одно изъ такихъ прославленій Эпикура.

„Когда жизнь человѣческая позорно лежала предъ глазами на землѣ, подавленная игомъ тяжкой религіи, которая казала свой ликъ изъ пространствъ небесныхъ, томя смертныхъ страшнымъ своимъ взоромъ; впервые эллинскій мужъ (т. е. Эпикуръ) дерзнулъ поднять свои очи и первый—дать отпоръ. Ни слава боговъ, ни молніи, ни грозный рокотъ неба не смяли его; но тѣмъ бо́льшую доблесть духа возбудилъ онъ въ себѣ и возжелалъ первый сокрушить тѣсные запоры вратъ природы“... [I, 63—71]

Такимъ языкомъ говоритъ онъ постоянно объ Эпикурѣ. Вставляя панегирикъ ему въ началѣ пятой книги, онъ сравниваетъ его дѣяніе съ дѣяніями на пользу человѣчества ставшихъ богами дѣтей смертныхъ, Геркулеса, Вакха, и требуетъ для Эпикура той же чести.

...Deus ille fuit, deus, inclyte Memmi. [V, 8]

Природа, имъ самимъ изъясненная какъ механическое сочетаніе атомовъ, не нуждающееся для своей жизни въ богѣ и промыслѣ т. е. какъ rerum summa, или, говоря позднѣйшимъ терминомъ, Natura naturata, глубоко восторгаетъ поэта своей стройностью и гармоніей, силой жизни, которая въ ней раскрывается, и онъ, въ противорѣчіе своему ученію, славитъ ее какъ нѣчто живое и разумное, превращая ее въ Natura naturans. Въ свое изложеніе о развитіи жизни изъ механическаго сцѣпленія атомовъ Люкрецій вставляетъ прекрасный образъ олицетворенія природы, который знала древняя миѳологія подъ именемъ Magna Mater deorum (иначе Кибела). Онъ описываетъ торжественныя процессіи, въ которыхъ она, какъ образъ созданный искусствомъ, совершала свое путешествіе на Востокѣ. Онъ даетъ прекрасную поэтическую картину, поддаваясь обаянію дѣйствующаго на его фантазію образа; но, вспомнивъ въ себѣ философа, заканчиваетъ это отступленіе холодными словами: „это все хоть и прекрасно и великолѣпно слажено, но истиннымъ уразумѣніемъ оно далеко отринуто“ [18]), и вслѣдъ затѣмъ излагаетъ доктрину Эпикура о безмятежномъ покоѣ божества, о его непричастіи къ жизни міра.

Великолѣпные образы и картины создаетъ его творческая фантазія по всякому поводу, какъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ самый сюжетъ вызываетъ ихъ непосредственно, такъ и тамъ, гдѣ поэтъ излагаетъ отвлеченныя общія положенія своей системы. Такъ напр. во II-й книгѣ съ цѣлью изъяснить, почему движеніе атомовъ, хотя и не воспри-

нимается нами, есть тѣмъ не менѣе не подлежащій сомнѣнію фактъ міровой жизни—

Illud in his rebus non est mirabile quare
Omnia cum rerum primordia sint in motu
Summa tamen summa videatur stare quiete;—

[II, 308—310]

Люкрецій даетъ цѣлыхъ двѣ картины. Одна—рѣзвящееся на пригоркѣ стадо, которое издали кажется бѣлымъ пятномъ, и другая, чисто римскаго характера, слѣдующая—

„Когда великіе легіоны наполняютъ своимъ бѣгомъ широкій просторъ полей, воздымая значки боевые, и всадники скачутъ кругомъ и, потрясая землю, проносятся мощнымъ стремленіемъ по срединѣ поля, когда громъ оружія возносится къ небу, и вся земля кругомъ блистаетъ мѣдью, и подъ мощью мужей раздается звукъ ихъ шаговъ, и горы, пораженныя военнымъ кличемъ, отражаютъ звуки до звѣздъ міра... есть однако и тогда какое нибудь мѣсто на высокихъ горахъ, откуда все это кажется стоящимъ на мѣстѣ и блескъ сдается принадлежащимъ самому полю“. [II, 323—332]

Люкрецій чувствуетъ и понимаетъ красоту и величіе природы во всемъ: и въ вѣчномъ рокотѣ волнъ морскаго прибоя, и въ грозной бурѣ, и въ потрясающемъ землю и въ ужасъ приводящемъ трепетное сердце человѣка ударѣ грома, и въ величественномъ явленіи изверженія вулкана, и въ тихомъ шелестѣ космы деревъ надъ головою человѣка, и въ щебетаньи пташки, и въ журчаньи ручейка, и въ грозномъ, губящемъ людей и людское достояніе наводненіи... во всемъ, великомъ и маломъ, грозномъ и тихомъ, заставляющемъ человѣка трепетать, иль мирно наслаждаться и созерцать, во всемъ Люкрецій чувствуетъ красоту и величіе жизни міра. Его сильная и страстная манера выраженія даетъ намъ повсюду образы и картины, гдѣ часто не достаетъ отдѣлки и полноты, но гдѣ за то нѣтъ никогда ничего лишняго, условнаго, искусственнаго, заимствованнаго по традиціи поэтическаго одѣянія. Эти образы и картины въ своемъ неотдѣланномъ видѣ говорятъ намъ о силѣ таланта и о мощи творческой фантазіи поэта. Мы ихъ чувствуемъ, читая его сильный стихъ, но мы большею частью безсильны передать ихъ на родномъ языкѣ. Этотъ характеръ поэмы и является наиболѣе очевиднымъ свидѣтельствомъ о томъ, что она не была окончена поэтомъ, что мы имѣемъ

большею частью богатые эскизы картины, но не самую картину, какъ ее создалъ самъ въ себѣ художникъ, какъ онъ созерцалъ ее своими умственными очами, какъ онъ чувствовалъ ее своимъ сердцемъ.

Тотъ же самый характеръ поэмы сказывается и въ неровности тона и выраженія, а также и непослѣдовательности изложенія. Чтобы привести одинъ примѣръ изъ множества, укажу на одно мѣсто въ V-ой книгѣ поэмы. Въ общей картинѣ исторіи человѣческой культуры, гдѣ Люкрецій своей творческой фантазіей предвосхитилъ нѣкоторыя открытія современной науки, онъ говоритъ между прочимъ о послѣдовательномъ знакомствѣ людей съ металлами: золотомъ и серебромъ сначала, затѣмъ мѣдью и наконецъ желѣзомъ Какъ сынъ народа, покорившаго желѣзомъ міръ, Люкрецій не можетъ не упомянуть объ употребленіи желѣза на оружіе. Но разъ онъ коснулся этой стороны значенія желѣза въ исторіи человѣчества, его поэтическая фантазія рисуетъ ему картины боя. Онъ говоритъ о пріученіи къ битвѣ коня, слона и рисуетъ затѣмъ въ картинномъ образѣ, какъ и почему люди перестали пользоваться для брани другими животными, каковы: быкъ, левъ, вепрь.

„Мѣдью воздѣлывали они почву земли, мѣдью подвигали они волны брани, сѣяли зіяющія раны, отымали скотъ и поля: все нагое и безоружное безъ сопротивленія имъ уступало. Затѣмъ мало по малу возобладалъ желѣзный мечъ, и въ позоръ обратился видъ мѣднаго серпа. Желѣзомъ стали они взрѣзать почву земли, желѣзомъ мѣрялись въ состязаніи опасной войны.—И прежде явилось садиться вооруженному на бока коня и направлять его уздою, дѣйствуя правой рукой, нежели пытать опасности боя двуконной колесницей. И раньше явилось соединять (коней) по двое, чѣмъ дважды по двое, или чѣмъ всходить вооруженному на колесницу серпоносную. Позднѣе слоновъ, съ тѣломъ башнеподобнымъ, безобразныхъ, съ хоботомъ змѣевиднымъ, научили финикіяне переносить раны и приводить въ трепетъ великія дружины Марса. Такъ горестный раздоръ рождалъ одно изъ другаго, чтобы устрашать племена людскія въ оружіи, и со дня на день прибавлялъ увеличеніе ужасамъ войны...

„Испытывали также (примѣнять) для дѣла войны быковъ испробовали напускать на врага вепрей. Иные посылали впередъ себя мощныхъ львовъ съ учителями вооруженными и вожаками суровыми, которые бы умѣли укрощать ихъ и сдерживать узами.... Во тще!

ибо тѣ, воспламеняясь въ смѣшавшейся бойнѣ и вновь одичавъ, въ смущеніе приводили полчища безъ всякаго разбора, потрясая повсюду (среди своихъ и чужихъ) ужасъ наводящую гриву своей выи. И не могли (тогда) всадники сдерживать пылъ устрашенныхъ львинымъ рычаньемъ коней и уздою обращать на врага. Львицы метали свои яростныя тѣла повсюду, бросались на лица встрѣчныхъ подходящихъ, и сзади разрывали нечаявшихъ опасности, и, вцѣпившись, кидали на землю раненныхъ, впиваясь въ нихъ пастью и кривыми когтями. Быки опрокидывали своихъ и ногами топтали, поражали въ бока и брюхо коней рогами, землю взрывали угрожающимъ лбомъ. Крѣпкими клыками били своихъ вепри, орошая въ остервененіи своею кровью вонзенныя въ нихъ стрѣлы, и громоздили груды перемѣшанныхъ всадниковъ и пѣшихъ. Прыжкомъ въ сторону пытались избѣгать кони страшнаго удара клыковъ, или, поднявшись на дыбы, били воздухъ ногами.... Тщетно, ибо ты могъ бы увидать, какъ, подбитые въ сухожильяхъ, низвергались они и устилали землю тяжкимъ паденіемъ".

[V, 1306—1345]

Вслѣдъ за этимъ, великолѣпнымъ по картинѣ, но далеко не отдѣланнымъ по выраженію, отступленіемъ Люкрецій оставляетъ вопросъ о металлахъ и переходитъ къ изложенію объ изобрѣтеніи одежды и древнѣйшемъ ея видѣ.—Такими отступленіями въ болѣе или менѣе изящной формѣ изобилуютъ всѣ шесть книгъ поэмы. Такимъ же отступленіемъ и заканчивается она, гдѣ, какъ было о томъ упомянуто, Люкрецій, заговоривъ о болѣзняхъ, поражающихъ человѣчество, даетъ, слѣдуя за Ѳукидидомъ, картину моровой язвы въ Аѳинахъ въ первые годы пелопоннесской войны.

Свой характеръ поэта, а не мыслителя, выдаетъ намъ Люкрецій и тѣмъ, что общія концепціи къ которымъ приводитъ его воспринятое имъ ученіе, восторгаютъ его, и онъ славитъ ихъ своей сильной рѣчью. Достаточно сравнить спокойный, ровный, пожалуй даже плоскій и слишкомъ школьный тонъ дошедшихъ до насъ произведеній Эпикура съ пламенной рѣчью его римскаго послѣдователя, чтобы видѣть все безмѣрное различіе между мыслителемъ, одолѣвающимъ міръ разумнымъ познаніемъ, и поэтомъ, воспринимающимъ тотъ же міръ всею силою своего горячаго сердца и страстнымъ огнемъ своего творческаго воображенія.

Представленіе, что нашъ міръ есть одинъ изъ безконечнаго множества міровъ, какіе создавала и создаетъ вѣчная природа, повѣдаетъ Люкрецій человѣчеству не съ скорбнымъ чувствомъ сознанія своего человѣческаго ничтожества, а съ гордымъ сознаніемъ высоты и мощи человѣческаго разума, съумѣвшаго это постигнуть. Съ такимъ же чувствомъ говоритъ онъ о томъ, что окружающей насъ природѣ, предстоитъ конецъ и разрушеніе. Онъ видитъ и проявленія дряхлости нашей природы и предсказываетъ близкое ея разрушеніе.

Sic igitur magni quoque circum moenia mundi
Expugnata dabunt labem putresque ruinas.

[II, 1129—30]

Но это будущее не пугаетъ его: онъ старается лишь изъяснить его образомъ и сдѣлать понятнымъ для нашего представленія [18]).

Люкрецій не устаетъ повторять человѣку, что природа безмѣрно велика и могуча, что ея признаки безконечность и вѣчность, напоминать ему о томъ, какую безмѣрно малую часть цѣлаго составляетъ онъ, какъ единица, въ этой живой безконечности. То въ видѣ отдѣльныхъ утвержденій, то въ видѣ образа внушаетъ Люкрецій человѣку сознаніе своего ничтожества предъ силами природы. Укажу для примѣра на слѣдующее мѣсто V-ой книги:

„Когда великая сила порывистаго вѣтра на морѣ мечетъ въ волнахъ повелителя флота вмѣстѣ съ его сильными легіонами и слонами, не молитъ ли онъ обѣтами мира съ богами и, въ ужасѣ предъ вихрями, не проситъ ли онъ молитвой мира и благопріятнаго вѣтра... Но все напрасно, ибо тѣмъ не менѣе часто, схваченный страшнымъ водоворотомъ, уносится онъ въ обители смерти. Такъ то нѣкая сокрытая сила сокрушаетъ человѣческое величіе“...

[V, 1226—1233]

Изъ этого сознанія человѣческой немощи Люкрецій не извлекаетъ поученія о смиреніи, не приходитъ самъ въ уныніе. Онъ говоритъ объ этомъ только для того, чтобы разъяснить, въ согласіи съ ученіемъ Эпикура, гдѣ источникъ религіи и суевѣрія людей. Онъ видитъ его въ этомъ сознаніи человѣкомъ своей немощи и ничтожества предъ силами природы и въ происходящемъ отсюда страхѣ человѣка предъ природой. Но такъ какъ его механическое изъясненіе міра уяснило, какъ онъ самъ непоколебимо вѣритъ, истину и устранило надобность этого другаго, древняго и исконнаго въ чело-

вѣчествѣ изъясненія; то онъ и проповѣдуетъ человѣку съ восторгомъ свою доктрину въ надеждѣ, что всѣ поймутъ и не могутъ не понять, что нѣтъ болѣе основаній б о я т ь с я природы, ея силъ и боговъ. Его механическое изъясненіе жизни природы является источникомъ высокой и возвышенной морали. Когда человѣкъ постигъ сущность вещей въ ея безконечности и въ тоже время механической простотѣ, то первое послѣдствіе этого—невозмутимая возвышенная ясность духовнаго сознанія. Отношеніе такого просвѣтленнаго сознанія къ суетѣ жизни Люкрецій выражаетъ въ такомъ образѣ.

„Когда на великомъ морѣ вѣтры волнуютъ поверхность, сладко взирать съ суши на великій трудъ другаго; не потому чтобы была пріятная радость видѣть чужія страданія, но потому что пріятно видѣть бѣдствія, отъ которыхъ ты самъ свободенъ. Сладко также созерцать великія состязанія брани на поляхъ битвы, безъ части своей въ нихъ опасности. Но ничто не можетъ быть слаще, чѣмъ владѣть свѣтлымъ храмомъ, утвержденнымъ возвышенной доктриной мудрецовъ, откуда ты можешь созерцать другихъ, видѣть какъ они блуждаютъ туда и сюда и въ скитаніяхъ ищутъ жизненнаго пути, состязаются умомъ, соревнуютъ знатностью, въ тяжкомъ трудѣ изживаютъ дни и ночи, всплываютъ на верхъ силъ и власти.

„О жалкіе умы людей! о непросвѣтленныя сердца! Въ какомъ глубокомъ мракѣ и въ сколь великихъ опасностяхъ проводится этотъ, какой ни есть ничтожный вѣкъ жизни! Иль ты не видишь, что ни о чемъ не кричитъ природа, какъ только о томъ, чтобы, при отсутствіи тѣлеснаго страданія испытывать высокое наслажденіе разумнаго созерцанія вдали отъ заботъ и всякаго страха?“

[II, 1—19].

Въ подобныхъ сострадательныхъ мысляхъ о заблужденіяхъ людей, Люкрецій выражаетъ свой моральный идеалъ.—Я далекъ отъ желанія приводить всѣ относящіяся сюда мѣста поэмы, но позволю себѣ указать лишь еще на одно, въ началѣ III-ей книги.

„Корысть и слѣпая жажда почестей, которыя заставляютъ жалкихъ смертныхъ преступать предѣлы права и, становясь союзниками или исполнителями преступленій, дни и ночи работать тяжкимъ трудомъ, чтобы достигнуть высокаго богатства (и силы), эти язвы жизни вскормлены въ значительной степени страхомъ смерти. Вѣдь безславіе и презрѣніе (къ себѣ другихъ) и горькая бѣдность кажутся

несовмѣстимыми съ радостной и спокойной жизнью, и словно уже преддверіемъ смерти: стремясь далеко уйти отъ нихъ, далеко убѣжать, люди, подъ гнетомъ ложнаго страха, кровью гражданъ обагряютъ государство и, ненасытные, удваиваютъ свои богатства, громоздя убійство на убійство, радуются, свирѣпые, на печальномъ погребеніи брата, ненавидятъ и боятся яствъ на столѣ своихъ единокровныхъ.

„Подъ гнетомъ того же страха гложетъ ихъ зависть: на ихъ глазахъ этотъ могуществененъ, тотъ взысканъ взорами всѣхъ и выступаетъ среди блистательнаго почета, тогда какъ они сами влачатъ жизнь во мракѣ и грязи. Многіе погибаютъ изъ-за имени и статуи. И часто до такой степени подъ гнетомъ ужаса смерти одолѣваетъ людей ненависть къ свѣту жизни, что они сами готовятъ въ скорби своего сердца смерть себѣ, забывъ, что источникъ заботъ есть этотъ страхъ, что онъ посягаетъ на невинность, что онъ сокрушаетъ узы дружбы и въ прахъ низвергаетъ благочестіе“.

[III, 59—84]

Въ этихъ скорбныхъ свѣтованіяхъ о человѣческихъ несчастіяхъ и заблужденіяхъ проходитъ постоянно у Люкреція (какъ и въ приведенномъ выше) его основное убѣжденіе, что страхъ смерти есть ихъ причина. Оставляя въ сторонѣ эту сторону его ученія, я указываю на эти мѣста лишь какъ на матерьялъ для выясненія нравственнаго идеала послѣдователя эпикуровой доктрины. Люкрецій изрекаетъ строгій приговоръ надъ стремленіями человѣка къ земному могуществу, власти, славѣ, богатству. Такой же приговоръ изрекаетъ онъ и надъ любовью съ ея слѣпыми увлеченіями. — Но что же достойно стремленій человѣка? Достойно ихъ прежде всего постиженіе истины, просвѣщеніе себя свѣтомъ истиннаго знанія о мірѣ въ его цѣломъ. Знаніе истины должно направлять жизнь человѣка. Но какъ должно жить такому просвѣтленному человѣку? На это трудно найти отвѣтъ у Люкреція. Правда, въ поэмѣ попадаются изреченія въ родѣ слѣдующихъ:

„великія богатства суть для человѣка жить умѣренно, храня спокойствіе духа, ибо нѣтъ никогда недостатка при малыхъ желаніяхъ“;— [V, 1117—18]

„не въ томъ благочестіе, чтобы съ покрытой головой обращаться къ камню и подходить ко всѣмъ жертвенникамъ; не въ томъ оно,

чтобы, простершись на землѣ, припадать и простирать руки предъ храмами боговъ; не въ томъ, чтобы обильно обагрять кровью четвероногихъ алтари и связывать обѣтъ съ обѣтомъ;—оно скорѣе въ томъ, чтобы умѣть созерцать все спокойнымъ духомъ;"—

[V, 1198—1205] [20])

но подобныя замѣчанія слишкомъ мало даютъ намъ для выясненія положительнаго идеала жизни, какъ и приведенное выше мѣсто II-ой книги о спокойномъ созерцаніи мудрецомъ чужихъ заблужденій. Но не Люкрецій въ томъ повиненъ: онъ не нашелъ ничего больше у своего учителя. Эпикуреизмъ былъ бѣднѣе стоицизма въ вопросѣ о положительномъ идеалѣ жизни. Тихая жизнь въ общеніи съ друзьями, при полномъ отстраненіи отъ политическихъ и житейскихъ интересовъ, въ удовлетвореніи насущныхъ потребностей человѣка,—такой идеалъ жизни осуществилъ Эпикуръ и завѣщалъ его своимъ послѣдователямъ. Не знаетъ ничего больше и восторженный проповѣдникъ его ученія [21]).

Заканчивая это разсмотрѣніе, я хочу указать на то глубокое противорѣчіе между эпикурейскимъ нравственнымъ идеаломъ и тѣми представленіями, которыя соединяются обыкновенно у насъ съ терминомъ эпикуреизмъ, эпикурейская философія. Эпикуръ дѣйствительно говорилъ, что цѣлью человѣческой жизни должна быть ἡδονή, слово которое римляне передавали своимъ voluptas, а мы принуждены переводить то и другое нашимъ словомъ—наслажденіе. Но эту ἡδονὴ Эпикуръ и его искренніе послѣдователи понимали именно въ томъ простомъ и скромномъ смыслѣ, какой указанъ выше [22]). Если же теперь со словомъ эпикуреизмъ соединяется другое значеніе, которое весьма грубо принижаетъ моральную высоту эпикурова ученія, заключавшаго въ себѣ элементъ аскетизма; то въ этомъ повинны не мы, современные, ибо изъясненіе эпикурова идеала въ обычномъ теперь смыслѣ было сдѣлано еще въ древности, было послѣдствіемъ того спора между философами различныхъ школъ, прекратить который своимъ посредничествомъ мечталъ нѣкогда Геллій, созывая къ своему трибуналу философовъ въ Аѳинахъ.

Въ заключеніе моего изложенія о морали Люкреція, я долженъ указать на одну общую идею, которая лежитъ въ ея основѣ, составляетъ ея необходимую почву. Обусловливая характеръ морали, она выражается и въ самомъ тонѣ Люкреція въ изложеніи своего ученія. Идея эта не высказана Люкреціемъ, но она дана намъ implicite

въ его системѣ. Идея эта есть абсолютная, не доходящая до сознанія и не уясненная въ немъ до вида теоретическаго положенія, вѣра въ силу теоретическаго знанія. Люкрецій не разъ говоритъ о томъ, что Эпикуръ своимъ ученіемъ избавилъ человѣчество отъ тѣхъ страшныхъ бѣдствій, въ которыя оно было погружено до него вслѣдствіе своего невѣдѣнія о мірѣ и природѣ божества. Это благодѣяніе роду человѣческому такъ велико, что съ нимъ несравнимы всѣ тѣ изобрѣтенія, за которыя удостоены причисленія къ лику боговъ Церера, Вакхъ, Геркулесъ. Становясь на точку зрѣнія Люкреція и признавъ вмѣстѣ съ нимъ, что ученіе Эпикура есть абсолютная истина, поставимъ однако такой вопросъ: почему уразумѣніе этой истины о мірѣ избавитъ человѣчество отъ его страданій? Далекій отъ такого вопроса Люкрецій не допускающимъ сомнѣнія и возраженія тономъ своей убѣжденной проповѣди даетъ намъ понять, что для него совершенно ясно слѣдующее: разъ люди постигнутъ суетность своего страха предъ природой, не станутъ вѣровать въ загробную жизнь и бояться мукъ Тартара, разъ они увѣруютъ въ механическое изъясненіе природы; они сразу освободятся отъ всѣхъ своихъ суетныхъ стремленій и будутъ осуществлять идеалъ эпикуровой морали. Для насъ остается здѣсь вопросъ: почему это должно быть такъ? Намъ ясно, что знаніе не есть само бытіе и постиженіе разумнаго не есть еще стремленіе къ нему и его дѣланіе. Мы знаемъ изреченіе: video meliora proboque deteriora sequor, и мы всѣ сами въ себѣ и на себѣ чувствуемъ вѣрность этого изреченія. Неужели же не чувствовалъ этого и Люкрецій?—Конечно, онъ чувствовалъ это также какъ и мы. Если же онъ тѣмъ не менѣе такъ абсолютенъ въ своей вѣрѣ въ теоретическое знаніе, то объясненія этому слѣдуетъ искать въ общемъ характерѣ всего развитія греческой философской мысли до Эпикура включительно. Если философскія системы другихъ мыслителей и не были въ этомъ отношеніи также слѣпы, какъ Эпикуръ, и уже у Платона начало воли въ человѣкѣ поставлено ясно и опредѣленно какъ моментъ совершенно различный отъ разума, а въ философіи Аристотеля мы встрѣчаемъ ученіе о добродѣтели какъ упражненіи; то тѣмъ не менѣе вся греческая философія до внесенія въ нее мистики въ новоплатонизмѣ стоитъ на признаніи единаго источника человѣческой духовной жизни. Разумъ и только познающій разумъ, есть орудіе, помощью котораго совершаетъ человѣкъ свою побѣду надъ мі-

ромъ.—Философская мысль новыхъ народовъ стоитъ съ самаго своего начала на иной почвѣ. Религія наша даетъ намъ идею сверхчувственнаго, общеніе съ которымъ не есть познаніе разума. Древняя философская мысль не знала вовсе той двойственности въ источникѣ знанія, съ которой начинаетъ свое развитіе новая. Она не знаетъ противоположенія вѣры и разума. Если она знаетъ религію, вѣру въ боговъ, то и въ ихъ основѣ предполагается тоже познаніе разумомъ. Вѣра сливается съ разумомъ. Мнѣ думается, что здѣсь именно и слѣдуетъ видѣть причину сліянія морали и знанія.

Прежде чѣмъ разстаться съ Люкреціемъ, я долженъ остановить Ваше вниманіе, Мм. Гг., на одной сторонѣ ученія, проповѣдуемаго имъ, которую авторъ непрестанно съ рѣзкостью выставляетъ на видъ. Разумѣю антирелигіозный характеръ поэмы. И здѣсь, какъ и во всемъ, Люкрецій слѣдуетъ Эпикуру. Онъ воспроизводитъ его доктрину о безмятежномъ абсолютномъ покоѣ боговъ. Эпикуръ, какъ извѣстно, не отвергалъ самаго существованія боговъ греческаго Олимпа, какъ то дерзали дѣлать иные мыслители раньше его. Но это признаніе боговъ было совершенно мертвымъ придаткомъ въ системѣ его ученія. Его система была направлена къ тому, чтобы устранить идею о твореніи міра божествомъ и промыслѣ божіемъ изъ изъясненія природы. Она была, такимъ образомъ, по существу глубоко антирелигіозна. Устраненіе это Эпикуръ считалъ достигнутымъ, изъяснивъ природу, какъ аггрегатъ атомовъ. На основаніи сохранившихся источниковъ объ ученіи Эпикура и переданныхъ намъ свѣдѣній объ его характерѣ, мы въ правѣ полагать, что этотъ антирелигіозный характеръ системы былъ чуждъ всякаго одушевленія борьбы съ противникомъ и ненависти къ нему. Ученіе Эпикура было результатомъ глубокаго убѣжденія мыслителя въ правильности своего философствованія.

Иное дѣло Люкрецій. Онъ съ первыхъ же словъ своей поэмы заявляетъ, что устраненіе религіознаго страха привлекло его къ исповѣдуемому имъ ученію. Онъ прославляетъ Эпикура именно за то, что онъ „первый“ смѣло вперилъ взоръ въ небо и поборолъ вѣру въ боговъ. Люкрецій — вдохновенный борецъ противъ религіи. Для правильнаго пониманія этой стороны поэмы Люкреція необходимо знать, что для него въ понятіи и словѣ relligio сливаются два разныя понятія, которыя мы различаемъ въ нашемъ языкѣ, а именно: религія и суевѣріе. Сліяніе этихъ двухъ понятій возможно и у новыхъ на-

родовъ, при ихъ религіи откровенія, ибо религіозное суевѣріе имѣетъ въ своей основѣ высокую идею промысла божія. Тѣмъ возможнѣе было сліяніе этихъ понятій для древняго человѣка, религія котораго—политеизмъ—порождала по самой своей природѣ великое разнообразіе суевѣрныхъ культовъ и обрядовъ. Понимая подъ словомъ relligio всякое отношеніе человѣка къ божеству, Люкрецій поноситъ религію, какъ источникъ всякихъ бѣдствій и золъ, въ которыя погружено человѣчество.

Ученіе Эпикура о богахъ вызвало уже въ древности не мало возраженій со стороны другихъ философскихъ школъ. Но для насъ въ данномъ случаѣ не имѣло бы интереса возражать Эпикуру и его вѣрному послѣдователю. Для насъ важно только отмѣтить, что это ученіе было принято Люкреціемъ какъ единое истинное, и онъ съ искреннимъ восторгомъ воспроизводилъ его въ своей поэмѣ.

Борьба Люкреція съ вѣрой въ промыслъ божій и восторженная полемика противъ всякой relligio, о которой онъ часто восклицаетъ:

Tantum relligio potuit suadere malorum—

[I, 101]

опредѣлила собою судьбу его поэмы въ древности. Цицеронъ, который самъ издалъ эту поэму послѣ смерти ея автора, былъ человѣкомъ менѣе другихъ способнымъ понять поэта. Онъ призналъ въ ней только „проблески генія“ (lumina ingenii)[23]; самъ же приписывалъ себѣ славу перваго представителя философской литературы въ Римѣ, и дѣйствительно не мало оказалъ услугъ въ этомъ отношеніи своимъ современникамъ. Когда при Августѣ насталъ тотъ покой, о которомъ молилъ Люкрецій, въ сознаніи что безъ него невозможно широкое распространеніе интереса къ философскому мышленію, отъ Люкреція отвернулись его потомки. Императоръ прилагалъ всѣ усилія къ тому, чтобы поднять отечественную религію, и, несмотря на весь интересъ къ поэзіи въ ту пору, антирелигіозная поэма не могла пользоваться вниманіемъ и интересовать собою[24]). Ея неудовлетворительность въ смыслѣ внѣшней отдѣлки могла содѣйствовать забвенію о ней и ея авторѣ. Въ дальнѣйшіе вѣка философія имѣла широкое распространеніе въ римскомъ мірѣ, но то была школа стоиковъ, которой суждено было одолѣть всѣ остальныя направленія. Стоицизмъ со своимъ грубымъ матерьялизмомъ, своимъ признаніемъ

мантики, съ своимъ серьезнымъ культомъ возвышенной добродѣтели—былъ болѣе сродни римскому народному генію. Поэма Люкреція не достигла той цѣли для которой предназначалъ ее авторъ. Его твореніе и онъ самъ были почти забыты. Правда, Тацитъ поминаетъ о томъ, что въ его время были люди, которые не только читали Люкреція, но и предпочитали его Виргилію. Но фактъ этотъ отмѣчается какъ свидѣтельство объ извращенности вкуса [25]). Квинтиліанъ знаетъ Люкреція только по имени [26]). У писателей II и III вѣковъ, нѣтъ упоминаній о Люкреціи [27]), и однако поэма его сохранилась и дошла до насъ въ своемъ цѣломъ видѣ—участь немногихъ древнихъ писателей.

Отмѣчая судъ потомства надъ Люкреціемъ и его поэмой и указывая на причину, которая вызвала эту судьбу забвенія и пренебреженія потомковъ къ Люкрецію, я имѣю въ виду только отмѣтить историческій фактъ, не касаясь вопроса о томъ, въ какой степени справедливо или несправедливо было такое отношеніе потомства къ великому поэту. Какъ филологъ и представитель того факультета въ Universitas Litterarum, спеціальная задача котораго объективное изученіе прошлыхъ судебъ человѣчества, я считаю своею обязанностью только дать характеристику, представить посильное уразумѣніе одного изъ фактовъ жизни человѣческаго духа въ прошлые вѣка, не внося въ него осужденія и обличенія. Дѣло филолога стараться только всесторонне понять данное произведеніе древней литературы. Если же бы отъ него потребовали сужденія и приговора, то онъ бы могъ его дать только въ такой формѣ.—Люкрецій живетъ для насъ въ своей поэмѣ, какъ человѣкъ искренно и пламенно искавшій истины. Совершенно независимо отъ правильности его идей и положеній, или отъ ихъ погрѣшности, онъ имѣетъ право на признаніе за нимъ того, что онъ осуществилъ въ своемъ лицѣ высшую задачу человѣческой жизни. Онъ искалъ истины, вѣровалъ, что нашелъ ее, и повѣдалъ ее съ пламеннымъ энтузіазмомъ современникамъ и потомству. Какой памятникъ священнѣе этого можетъ поставить себѣ человѣкъ на землѣ? Что въ его дѣятельности можемъ мы признать болѣе достойнымъ и болѣе возвышеннымъ?...

Какъ Люкрецій искалъ истины о природѣ, такъ мы, изучая его, ищемъ истины о его произведеніи, стараемся достигнуть надлежащаго и полнаго его уразумѣнія. Подѣлившись здѣсь теперь съ Вами,

Мм. Гг., моимъ посильнымъ пониманіемъ этого произведенія античной словесности, на сколько то позволили мнѣ время и мѣсто, я могу закончить указаніемъ на смыслъ и значеніе того вида научнаго изслѣдованія, который составляетъ задачу нашего факультета.

Смѣняются люди и поколѣнія, проходятъ народы и государства; но есть одно, что вѣчно живетъ и пребываетъ неизмѣннымъ въ своемъ теченіи и смѣнѣ формъ. Это вѣчное мы называемъ духомъ человѣческимъ. Постигая его созданія въ ихъ безконечномъ разнообразіи отъ высокой философской концепціи и политическихъ фактовъ міроваго значенія—до развалинъ нѣкогда прекраснаго зданія и грамматическихъ формъ отдѣльныхъ словъ языка, отъ отдаленнѣйшаго прошлаго и до настоящаго, мы изучаемъ творчество духа человѣческаго въ его безконечномъ разнообразіи. Но тѣмъ самымъ, что мы его уразумѣваемъ, мы даемъ доказательство его вѣчной тождественности.

Древній астрономъ Птолемей сказалъ когда то: „Я знаю, что я смертенъ и на день одинъ рожденъ; но когда я созерцаю кривые пути свѣтилъ небесныхъ, я уже не касаюсь земли ногами, но съ Зевсомъ вмѣстѣ наслаждаюсь амброзіей“ [28]). Не тоже ли самое можетъ ощущать человѣкъ, изучая жизнь духа человѣческаго въ прошломъ? Здѣсь есть пріобщеніе къ вѣчному черезъ созерцаніе того, что вѣчно, при сознаніи неразрывной связи между созерцающимъ и созерцаемымъ. Это и есть высшее наслажденіе, какого можетъ достигнуть бренный и смертный человѣкъ... Въ общеніи со всѣми вѣками прошлаго въ постиженіи и созерцаніи творчества, которое раскрываетъ въ своей жизни духъ человѣческій, единый человѣкъ уже не чувствуетъ себя единымъ: онъ есть живое звено въ цѣпи безконечнаго ряда творящаго бытія. Въ этомъ сознаніи есть смиреніе, но оно же даетъ человѣку подъемъ, смѣлость и силу...

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Aristot. Metaphys. I, 2, 8. Διὰ γὰρ τὸ θαυμάζειν οἱ ἄνθρωποι καὶ νῦν καὶ τὸ πρῶτον ἤρξαντο φιλοσοφεῖν.

2) Ibid. cf. Natur. auscult. I, 1, 1: τότε γὰρ οἰόμεθα γινώσκειν ἕκαστον, ὅταν τὰ αἴτια γνωρίσωμεν τὰ πρῶτα καὶ τὰς ἀρχὰς τὰς πρώτας καὶ μέχρι τῶν στοιχείων.

3) Metaphys. I, 2, 9. Δῆλον οὖν, ὡς δι' οὐδεμίαν αὐτὴν ζητοῦμεν χρείαν ἑτέραν, ἀλλ' ὥσπερ ἄνθρωπός φαμεν ἐλεύθερος ὁ αὑτοῦ ἕνεκα καὶ μὴ ἄλλου ὤν, οὕτω καὶ αὕτη μόνη ἐλευθέρα οὖσα τῶν ἐπιστημῶν· μόνη γὰρ αὐτὴ αὑτῆς ἕνεκέν ἐστιν. Διὸ καὶ δικαίως ἂν οὐκ ἀνθρωπίνη νομίζοιτο αὐτῆς ἡ κτῆσις .. 10. Ἀλλ' οὔτε τὸ θεῖον φθονερὸν ἐνδέχεται εἶναι,... οὔτε τῆς τοιαύτης ἄλλην χρὴ νομίζειν τιμιωτέραν. Ἡ γὰρ θειοτάτη... 11. Ἀναγκαιότεραι μὲν οὖν πᾶσαι αὐτῆς, ἀμείνων δ' οὐδεμία.

4) О значеніи философіи въ исторіи и системѣ греческаго образованія можемъ сослаться на прекрасный трудъ L. Stein'a: Die innere Verwaltung. Das Bildungswesen, erster Theil. Das System und die Geschichte des Bildungswesens der alten Welt. Zweite Auflage. Stuttgart. 1883. стр. 244 сл.

5. Zeller. Geschichte der griechischen Philosophie. III, 1, стр. 525 (третье изданіе).

6) Какъ смотрѣли на образованіе оратора въ ту пору, разсказалъ намъ Цицеронъ въ своемъ произведеніи Brutus. Тацитъ—Dialogus de oratoribus, XXX, — сопоставляя свою современность съ тѣми временами, дѣлаетъ оцѣнку значенія философіи, какъ элемента образованія.

7) О судьбахъ и значеніи философіи въ Римѣ въ I вѣкѣ Имперіи см. Friedländer. Darstellungen aus der Sittengeschichte Roms. III, стр. 601—678 (третье изданіе).

8) Cicero, Tusc. disput. IV, 3, 6. C. Amafinius extitit dicens, cuius libris editis commota multitudo contulit se ad eam potissimum disciplinam, sive quod erat cognitu perfacilis, sive quod invitabantur inlecebris blandis voluptatis, sive etiam quia nihil erat prolatum melius, illud, quod erat, tenebant. 7. Post Amafinium autem multi eiusdem aemuli rationis multa cum scripsissent, Italiam totam occupaverunt, quodque maxumum argumentum est non dici illa subtiliter, quod et tam facile ediscantur et ab indoctis probentur, id illi firmamentum esse disciplinae putant.—ibid. II, 3, 7. Est enim quoddam genus eorum, qui se philosophos appellari volunt, quorum dicuntur

esse Latini sane multi libri: quos non contemno equidem, quippe quos numquam legerim: sed quia profitentur ipsi illi, qui eas scribunt, se neque distincte neque distribute neque eleganter neque ornate scribere, lectionem sine ulla delectatione neglego. Quid enim dicant et quid sentiant ii, qui sunt ab ea disciplina, nemo ne mediocriter quidem doctus ignorat. Quam ob rem quoniam quem ad modum dicant ipsi non laborant, cur legendi sint, nisi ipsi inter se, qui idem sentiunt, non intellego.

9) Cicero. De Nat. Deor. I, 4, 7. Sin autem quis requirit, quae causa nos impulerit ut haec tam sero litteris mandaremus, nihil est quod expedire tam facile possimus. Nam cum otio langueremus et is esset reipublicae status, ut eam unius consilio atque cura gubernari necesse esset, primum ipsius reipublicae causa philosophiam nostris hominibus explicandam putavi, magni existimans interesse ad decus et ad laudem civitatis, res tam gravis tamque praeclaras Latinis etiam litteris contineri 8... Complures... illa quae a Graecis accepissent, Latine dici posse diffiderent. Quo in genere tantum profecisse videmur, ut a Graecis ne verborum quidem copia vinceremur.

10) Догадки и заключенія о философскомъ образованіи Люкреція и знакомствѣ его съ опредѣленными системами и твореніями мыслителей греческихъ см. T. Lucreti Cari De rerum natura ed. Munro, второй томъ четвертаго изданія, стр. 8 и 9: Sellar. The roman poets of the republic. стр. 292 и слѣд. (изд. 1881 года).

11) О писательской дѣятельности Эпикура см Diog. Laert. X, § 26. Γέγονε δὲ πολυγραφώτατος ὁ Ἐπίκουρος, πάντας ὑπερβαλόμενος πλήθει βιβλίων· κύλινδροι μὲν γὰρ πρὸς τοὺς τριακοσίους εἰσί.

12) Diog. Laert. X, § 79. Τὸ δ' ἐν τῇ ἱστορίᾳ πεπτωκὸς τῆς δύσεως καὶ ἀνατολῆς καὶ τροπῆς καὶ ἐκλείψεως καὶ ὅσα συγγενῆ τούτοις μηθὲν ἔτι πρὸς τὸ μακάριον τῆς γνώσεως συντείνειν...

ibid. § 142. Εἰ μηθὲν ἡμᾶς αἱ περὶ τῶν μετεώρων ὑποψίαι ἠνώχλουν καὶ αἱ περὶ θανάτου, μήποτε πρὸς ἡμᾶς ἐστι, ἔτι τε τὸ μὴ κατανοεῖν (поправка Lachelier—Rev. de Phil. I, 85, принятая Целлеромъ, G. Ph. III, 1, 383) τοὺς ὅρους τῶν ἀλγηδόνων καὶ τῶν ἐπιθυμιῶν, οὐκ ἂν προσεδεόμεθα φυσιολογίας.

Въ подобныхъ сужденіяхъ Эпикура проявляется глубокое различіе въ общемъ духѣ философіи того времени отъ предшествующаго періода. Аристотель, напротивъ, утверждалъ слѣдующее: Ἐν πᾶσι γὰρ τοῖς φυσικοῖς ἔνεστί τι θαυμαστόν. Διὸ δεῖ μὴ δυσχεραίνειν παιδικῶς τὴν περὶ τῶν ἀτιμοτέρων ζῴων ἐπίσκεψιν. De part. anim. I, 5.

13) Herodot. II, 19—27.

14) Diog. Laert. X, § 91. Τὸ δὲ μέγεθος τοῦ ἡλίου τε καὶ τῶν λοιπῶν ἄστρων κατὰ μὲν τὸ πρὸς ἡμᾶς τηλικοῦτόν ἐστιν ἡλίκον φαίνεται... § 92. Ἀνατολαὶ καὶ

δύσεις ἡλιόυ καὶ σελήνης καὶ τῶν λοιπῶν ἄστρων καὶ κατ' ἀναψιν γίνεσθαι δύνανται καὶ κατὰ σβέσιν, τοιαύτης οὔσης περιστάσεως. Καὶ καθ' ἑτέρους τρόπους, ὥστε τὰ προειρημένʼ ἀποτελεῖσθαι. οὐδὲν γάρ τῶν φαινομένων ἀντιμαρτυρεῖ . τάς τε κινήσεις αὐτῶν οὐκ ἀδύνατον μὲν γίνεσθαι κατὰ τὴν τοῦ ὅλου οὐσανοῦ δίνην, ἢ τούτου μὲν στάσιν, αὐτῶν δὲ δίνην, κατὰ τὴν ἀρχῆθεν ἐν τῇ τοῦ κόσμου γενέσει ἀνάγκην ἀπογεννηθεῖσαν ἐπ' ἀνατολῆ...

Lucr. V, 564—Nec nimio solis maior rota, nec minor ardor
Esse potest, nostris quam sensibus esse videtur.
—575—Lunaque, sive notho fertur loca lumine lustrans,
Sive suam proprio iactat de corpore lucem,
Quidquid id est, nilo fertur maiore figura
Quam nostris oculis quam cernimus, esse videtur.
—650—At nox obruit ingenti caligine terras,
Aut ubi de longo cursu sol ultima caeli
Impulit atque suos efflavit languidus ignis
Concussos itere et labefactos aere multo,
Aut quia sub terras cursum convertere cogit
Vis eadem, supra quae terras pertulit orbem.
Tempore item certo roseam Matuta per oras
Aetheris auroram defert et lumina pandit,
Aut quia sol idem, sub terras ille revertens,
Anticipat caelum radiis accendere temptans,
Aut quia conveniunt ignes et semina multa
Confluere ardoris consuerunt tempore certo,
Quae faciunt solis nova semper lumina gigni;
Quod genus Idaeis fama est e montibus altis
Dispersos ignes orienti lumine cerni,
Inde coire globum quasi in unum et conficere orbem.

Diog. Laert. X, § 94. Ἔτι τ' ἐνδέχεται τὴν σελήνην ἐξ ἑαυτῆς ἔχειν τὸ φῶς, ἐνδέχεται δὲ καὶ ἀπὸ τοῦ ἡλίου.

15) H. Ritter. Histoire de la philosophie, traduite par Tissot, première partie, tome quatrième. Paris. 1836. pp. 71—78 (Ссылаюсь на французскій переводъ за отсутствіемъ нѣмецкаго подлинника въ нашей библіотекѣ). Возраженіе Риттеру представилъ Целлеръ: Geschichte der griechischen Philosophie. III, 1, p. 547, примѣчаніе 2 (третье изданіе 1880 г.).

16) Іеронимъ въ приложеніи къ хроникѣ Евсевія подъ годомъ отъ Авраама 1923 (94 до Р. Х.): Titus Lucretius Carus poeta nascitur. Postea amatorio poculo in furorem versus cum aliquot libros per intervalla insaniae conscripsisset, quos postea Cicero emendavit, propria se manu interfecit anno aetatis XLIIII.

17) Seneca. Epist. 24, 22. Item alio loco dicit (Epicurus): quid tam ridiculum quam adpetere mortem, cum vitam inquietam tibi feceris metu mortis? His adicias et illud eiusdem notae licet: tantam hominum imprudentiam, immo dementiam, ut quidam timore mortis coguntur ad mortem.— Ср. Lucr. III. 79—82.

18) Lucr. II, 600—645.

19) Lucr. II, 552—562.

Sed quasi naufragiis magnis multisque coortis
Disiectare solet magnum mare transtra guberna
Antemnas proram malos tonsasque natantis,
Per terrarum omnis oras fluitantia aplustra
Ut videantur et indicium mortalibus edant,
Infidi maris insidias virisque dolumque
Ut vitare velint, neve ullo tempo e credant,
Subdola cum ridet placidi pellacia ponti,
Sic tibi si finita semel primordia quaedam
Constitues, aevom debebunt sparsa per omnem
Disiectare aestus diversi materiai...

20) Такое опредѣленіе благочестія—pietas—заслуживаетъ тѣмъ большаго вниманія, что мы слышимъ его отъ римлянина. Въ связи съ мертвымъ характеромъ римской религіи стоитъ и содержаніе того понятія, которое мы передаемъ на русскій языкъ словомъ благочестіе, pietas. Для римлянина pietas есть понятіе юридическое. Цицеронъ въ своемъ діалогѣ De natura deorum, I, 41, 116—опредѣлялъ его такъ: pietas est iustitia adversus deos. Юридическій характеръ этого понятія засвидѣтельствованъ и въ другомъ мѣстѣ Цицерона: quae pietas ei debetur, a quo nihil acceperis?—а равно и въ слѣдующемъ замѣчаніи его же: Atque haud scio an pietate adversus deos sublata fides etiam et societas generis humani et una excellentissima virtus, iustitia, tollatur.—ibid. I, 2, 4.

21) Подробности о жизни Эпикура сообщаетъ Діогенъ Лаэртій.—Моральный идеалъ Эпикура выраженъ былъ въ отдѣльныхъ изреченіяхъ, которыя хранила его школа. Діогенъ Лаэртій заключаетъ свою десятую книгу приведеніемъ 63 такихъ изреченій. Пятое изъ нихъ таково: Οὐκ ἔστιν ἡδέως ζῆν ἄνευ τοῦ φρονίμως καὶ καλῶς καὶ δικαίως, οὐδὲ φρονίμως καὶ καλῶς καὶ δικαίως ἄνευ τοῦ ἡδέως. ὅτῳ δὲ μὴ ὑπάρχει ζῆν φρονίμως καὶ καλῶς καὶ δικαίως οὐκ ἔστι τοῦτον ἡδέως ζῆν.

22) Объясненіе понятія ἡδονὴ въ подлинномъ письмѣ Эпикура см. Diog. Laert. X, § 131: ὅταν οὖν λέγωμεν ἡδονὴν τέλος εἶναι, οὐ τὰς τῶν ἀσώτων ἡδονὰς καὶ τὰς ἐν ἀπολαύσει κειμένας λέγομεν, ὥς τινες ἀγνοοῦντες καὶ οὐχ ὁμολογοῦντες ἢ κακῶς ἐκδεχόμενοι νομίζουσιν, ἀλλὰ τὸ μήτ' ἀλγεῖν κατὰ σῶμα μήτε ταράτ-

τεσθαι κατὰ ψυχήν. Cf. § 138. Ὁ δ' Ἐπίκουρος καὶ ἀχώριστόν φησι τῆς ἡδονῆς τὴν ἀρετὴν μόνην, τὰ δ' ἄλλα χωρίζεσθαι, οἷον βροτά.

Въ параллель къ приведеннымъ на стр. 24 стихамъ Люкреція можно указать на слѣдующее мѣсто изъ письма Эпикура—Dog. i Laert. X, § 87: οὐ γὰρ δὴ ἰδιολογίας καὶ κενῆς δόξης ὁ βίος ἡμῶν ἔχει χρείαν, ἀλλὰ τοῦ ἀθορύβως ἡμᾶς ζῆν.

23) Cicero. Ep. ad Qu. frat. II, 9, 4. Lucretii poemata ut scribis ita sunt: *non* multis luminibus ingenii, multae tamen artis, sed cum veneris, virum te putabo, si....—Этотъ текстъ, читающійся в рукописяхъ безъ *non*, издавна привлекалъ къ себѣ вниманіе филологовъ, подвергался различнымъ толкованіямъ и, въ соотвѣтствіи съ послѣдними, различнымъ исправленіямъ. Матерьялъ по этому вопросу до 1867 года—собранъ въ статьѣ Fr. Polle, Die Lucrezliteratur seit Lachmann und Bernays. Philologus. B. XXV, H. 3, p. 501 сл. Въ недавнее время оксфордскій профессоръ Nettleship предложилъ слѣдующую поправку конца этой фразы: multae tamen artis ipse dicam, veneris, virium. Virum te putabo, si... Свою поправку, которая впрочемъ слишкомъ отступаетъ отъ несомнѣнно испорченнаго рукописнаго преданія этого мѣста, Nettleship оправдываетъ ссылкой на употребленіе слова venus у Горація, Ars poet. 320.

Fabula nullius veneris, sine pondere et arte.

Journal of Philology. 1884. XII. № 25. p. 85. Прибавимъ, что Mähly въ своей статьѣ: Der römische Dichter Lucretius (Neues schweizerisches Museum. 1865) предлагалъ читать: multae tamen artis *et* veneris.

Что касается до спора между филологами о томъ, издалъ ли поэму знаменитый Цицеронъ, или его братъ Квинтъ; то я лично считаю несомнѣннымъ, что дѣло это слѣдуетъ приписать первому. Иного мнѣнія держится Лахманъ: Prolegomena къ его комментарію, стр. 63.

24) Изъ поэтовъ золотаго вѣка одинъ Овидій называетъ Люкреція по имени и высказываетъ свой искренній восторгъ предъ его твореніемъ. Am. 1, 15, 23.

Carmina sublimis tunc sunt peritura Lucreti,
Exitio terras cum dabit una dies.

Виргилій, не называя его по имени, отдаетъ дань своего уваженія въ слѣдующихъ стихахъ своихъ Георгикъ—II, 490.

Felix qui potuit rerum cognoscere caussas,
Atque metus omnis et inexorabile fatum
Subiecit pedibus strepitumque Acherontis avari.

На развитіе латинской поэтической рѣчи Люкреція оказалъ несомнѣнное вліяніе. Чтобы не приводить здѣсь доказательствъ, сошлемся на со-

поставленія оборотовъ и выраженій изъ твореній поэтовъ золотаго вѣка съ стихами Люкреція, которое сдѣлалъ въ своей диссертаціи Wöhler: Einfluss des Lucrez auf die Dichter des Augusteischen Zeitalters. Greiswald. 1876. Работа эта не чужда впрочемъ нѣкоторыхъ преувеличеній, ибо авторъ готовъ во всякомъ сходствѣ въ выраженіи видѣть *вліяніе*.

25) Dialogus de oratoribus, cap. XXIII.

26) Полагаемъ, что выводъ этотъ слѣдуетъ сдѣлать изъ его упоминанія—Inst. orat. X, 1, 87.

27) То преувеличеніе, съ которымъ Геллій говоритъ о зависимости Виргилія отъ Люкреція—Noct. Att I, 21, 7,—врядъ-ли свидѣтельствуетъ о знакомствѣ его самого съ поэмой De rerum natura.

28) Anthologia palatina. IX, 577.

Οἶδ' ὅτι θνατός ἐγὼ καὶ ἐφάμερος· ἀλλ' ὅταν ἄστρων
μαστεύω πυκινὰς ἀμφιδρόμους ἕλικας,
οὐκέτ' ἐπιψαύω γαίης ποσίν, ἀλλὰ παρ' αὐτῷ
Ζανὶ θεοτρεφέος πίμπλαμαι ἀμβροσίης.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР